
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И СУДЬБА РОССИИ

МИГРАЦИЯ ИЛИ ЗАМЕЩЕНИЕ?

“Круглый стол” в редакции “Нашего современника”

Александр Казинцев, заместитель главного редактора журнала “Наш современник”. Я благодарю всех, кто откликнулся на приглашение редакции обсудить одну из наиболее болезненных проблем современной России. Наш “круглый стол” мы решили провести совместно с общественной организацией “Антиглобалистское сопротивление”, представленной сегодня координатором московского отделения профессором Еленой Борисовой и рядом активистов.

В сущности, миграция – не одна проблема, а целый комплекс. В их числе проблема трудовых ресурсов, о которой обычно упоминают в первую очередь. Действительно ли ресурсы коренных народов России и, в частности, русских, исчерпаны, как уверяют сторонники увеличения миграции, требуя, подобно зампреду Комитета Госдумы по делам СНГ А. Билалову, завозить в РФ по 2 млн мигрантов ежегодно? Почему же Федеральная миграционная служба закрывает для русских репатриантов, желающих вернуться на историческую родину из стран СНГ, центральные регионы России, в том числе Москву и Санкт-Петербург, на том основании, что здесь “трудовые ресурсы имеются в достатке” (“Время новостей”, 26.07.2007)? Ведь основную массу мигрантов везут как раз в Москву и Питер. Получается, что русские рабочие руки в центре России не нужны, а таджикские, киргизские, турецкие и китайские требуются в многомиллионном количестве...

Миграция – это и проблема сохранения национальной идентичности коренных народов России. Газета “Московский комсомолец” – одна из тех, кто постоянно высмеивает опасения на сей счёт. Однако корреспондент “МК” начинает беседу с “главным этнологом” страны – В. Тишковым с вопроса: “...Будет ли русский основным языком общения в Москве через 20–30 лет?” (“МК”, 27.07.2007). Прислушайтесь к говору на столичных рынках и согласитесь: вопрос не праздный. И он не из тех, которые могут оставить равнодушным, особенно сегодня – на фоне международных споров о статусе Косова. Этот край – колыбель сербской культуры – в течение десятилетий заселялся мигрантами из соседней Албании. И сегодня там говорят не на сербском, а на албанском и готовятся провозгласить независимость Косова.

Между прочим, ответ Тишкова на вопрос “МК” – образец лукавства, не достойного серьёзного учёного, занимающего к тому же солидную должность председателя комиссии Общественной палаты по вопросам толерантности. Тишков сладкоречиво уверяет, что русский язык в Москве “безальтернативен”. И в то же время, отвечая на другой вопрос: “Согласно некоторым экспертам, когда количество мигрантов в обществе превышает уровень 15% – межнациональная напряжённость становится абсолютно неизбежной. Так ли это?”, Тишков заявляет: “Думаю, что смысл 15–20% в другом. Когда доля мигрантов среди граждан достигает такого уровня, они уже могут требовать признания своего особого статуса в сфере языка и культуры”. Но что такое особый статус в “сфере языка”? Это, как минимум, двуязычие. Не случайно Тишков тут же приводит в пример Финляндию, где шведский является вторым государственным. Кстати, и здесь председатель комиссии Общественной палаты лукавит: шведы – коренное население Финляндии. Они живут там в течение многих веков, а не поселились в последние 10–20 лет, подобно таджикам, киргизам и азербайджанцам в Москве.

Миграция – это и проблема сохранения стабильности в обществе. В последнее время из разных городов России приходят сообщения о столкновениях коренного населения с приезжими. Как правило, пресса, да и власти, обвиняют в “разжигании розни” русских. Но, во-первых, противостоят приезжим не только русские. В Астраханской области, например, имели место столкновения постоянно проживающих там калмыков с чеченскими переселенцами. Во-вторых, как показывают сообщения прессы, зачастую поводом для столкновений оказывается вызывающее поведение мигрантов. Показательны публикации в том же “МК”. В номере от 28 июня 2007 г. на одной странице газетчики возмущаются “недостатком толерантности” у русских, а на другой – в хронике происшествий сообщают о диком случае, когда насильник напал на двух женщин в Подмоскovie, похитил одну из них, избил, изнасиловал и убил. Сообщая об этом, корреспондент указывает: “Блюстителю закона не исключают также, что похищение может быть делом рук гастарбайтеров. По некоторым данным, в окрестностях Серпухова были нередки случаи, когда приезжие нападали на молодых особ, избивали несчастных и насиловали”. Кстати, как выяснилось впоследствии, преступление совершил действительно гастарбайтер. Так, может, стоит “сложить два и два”, как говорят китайцы, и тогда “недостаток толерантности” у коренного населения, оказывающегося жертвой подобных выходов, не покажется столь уж странным.

Миграция – это и проблема нагрузки на местную инфраструктуру. По разным источникам (официальные отсутствуют!) в Москве и ближайшем Подмоскovie проживают от 10 до 15 млн только нелегальных мигрантов. Фактически это вторая Москва! Но никто и не думает удваивать количество троллейбусов и поездов метро, открывать тысячи магазинов и сотни поликлиник. Переселенцам приходится втискиваться в старую инфраструктуру, вольно или невольно тесня коренных жителей.

К слову, в этой тесноте москвичи запросто могут подцепить различные хвори: “До 11% прибывающих больны опасными инфекционными заболеваниями – СПИД, туберкулёз, гепатиты, сифилис” (“МК”, 30.07.2007).

Наконец, миграция – это криминальная проблема. По данным МВД, в первом полугодии иностранцами было совершено 26,9 тысячи преступлений (“МК”, 30.07.2007). В год выходит более 50 тысяч! И это без учёта северокавказских (своих!) диаспор, контролирующих целые отрасли криминального бизнеса.

Вот всего лишь несколько граней проблемы, которую обобщённо именуется миграцией. Разумеется, мы не сможем обсудить весь этот комплекс. Попытаемся затронуть хотя бы некоторые темы. Это тем более необходимо, что до последнего времени общественно значимая реакция (публикации в прессе, решения властей) сводилась в основном к обличению “неправильного” отношения коренного населения к приезжим и к фактическому принуждению местных жителей к молчанию перед лицом множасьих вызовов и угроз. Нередко подобная реакция, особенно в прессе, подпитывается откровенной русофобией: русские, дескать, не способны к “цивилизованным” межнациональным отношениям.

Такой взгляд находится в вопиющем противоречии с историей создания

Российской империи и СССР – русские веками проявляли доброжелательность к инородцам и (в отличие от “цивилизованных” европейцев) сберегли все народы, вошедшие в Империю.

Представление о какой-то особенной русской “нетолерантности” не подтверждается и при сопоставлении ситуаций, сложившихся вокруг проблем миграции в России и на современном Западе. В Европе мы видим то же обострение межнациональных отношений. Причём, в отличие от России, население европейских стран активно требует от властей жёстких мер по наведению порядка. Показательна победа Н. Саркози на выборах во Франции и результаты референдума в Швейцарии по вопросам миграции.

Пора и нам подойти к рассмотрению (а затем, хотелось бы надеяться, и решению!) проблем миграции с рациональностью и твёрдостью, проявленными нашими европейскими соседями.

Владимир Никитин, депутат Государственной Думы, заместитель председателя Комитета по связям с соотечественниками (фракция КПРФ). Миграция может быть благом, а может – и злом для России. Я работаю в Комитете уже три созыва и вижу, как меняется концепция миграции.

Рад, что Александр Иванович во вступительном слове затронул вопрос о русских репатриантах. В самом деле, прежде чем завозить трудовые ресурсы из дальнего зарубежья, логичнее было бы дать возможность вернуться на Родину русским, неожиданно оказавшимся за границей, когда Ельцин и его подельники развалили Союз. Понятно, для этого недостаточно “патриотических” призывов – людей надо обеспечить жильём и работой.

Закон о беженцах и вынужденных переселенцах был принят в 1991 году, и тогда – на первом этапе – развивалась концепция общинного расселения и комплексного обустройства. Создавались общины в городе Борисоглебске – там обосновались 8 тысяч наших людей из Таджикистана – они вырвались из страны, расколотой гражданской войной, буквально с оружием в руках. Им и таким, как они, выделялись деньги для устройства, создания предприятий, рабочих мест. Но, начиная с прихода к власти Путина Владимира Владимировича, выставляющего себя защитником русского народа, я наблюдаю, как коренным образом изменилось отношение – и законы моментально изменились.

Разрабатывая закон о гражданстве, мы предлагали, чтобы гражданство РФ предоставлялось, прежде всего, представителям коренных народов России, а в результате русских, к примеру, поставили в один ряд с эфиопами, китайцами и другими выходцами из дальних стран. Были уничтожены переселенческие общины, а их были сотни. У нас даже был совет по переселенческим общинам при Селезнёве, председателе Госдумы. Мы выезжали в деревни, смотрели – в чём нуждаются люди? Даже духоборов переселяли. Семь министерств было задействовано. Я встречался лично с президентом, он просил подготовить проект документов об основах миграционной политики. Только президент у нас имеет право и обязанность всё это делать.

И мы, во фракции КПРФ, всё сделали в начале 2001 года, оработали вместе с Министерством по делам национальностей Федеральную миграционную программу, где чётко прописали социальные гарантии, которые мы можем предоставить вынужденным переселенцам. Мы очень хорошую программу планировали, но люди Грефа исходили совсем из другой концепции. Мы исходили из того, что русский народ разделённый, а они – что главной задачей является воспитание толерантности, и что спасти Россию могут поселения типа чайна-таунов, куда мы широко откроем ворота для выходцев из “третьего мира”.

Так вот, в течение полугода, что было сделано? Была ликвидирована вообще Федеральная миграционная программа. Это при Путине уже, заметьте, не при Ельцине. Её нет сейчас, было разогнано Министерство по делам Федерации и национально-миграционной политике. Был отложен наш закон, принят другой – “грефовский”. Нашему комитету не доверяли, потому что он – по связям с соотечественниками. Надо было их отсечь. Занавес поставить, чтоб наши соотечественники не просто не могли приехать в Россию, а чтобы они возненавидели Россию, считали её мачехой.

Как это всё делается? Люди годами не могут получить гражданства – это наши, кто приехал, а вот личности из “третьего мира” получают гражданство, потому что у них деньги имеются. Один начальник паспортного стола на два миллиона наштамповал этих паспортов! И вот результат – все рынки захвачены

перекупщиками в лице этнических преступных группировок. А нашим производителям сельскохозяйственной продукции ходу нет. Помощи от государства почти никакой.

В статье “Будет ли Россия создавать русский мир?” (“Парламентская газета”) я писал: “Выжить в условиях глобализма мы сможем, только если будет русский мир с ядром в России”.

Мудрое правительство могло бы нашу проблему перевести в преимущество. У нас двадцать миллионов соотечественников в СНГ и ещё 10 миллионов в дальнем зарубежье. Нужно было бы связать все диаспоры и использовать их, как это делает Китай. Я был в Китае, задавал вопросы по этой проблеме. Китайцы говорят: “На 30% продвижение наших товаров – это заслуга нашей диаспоры. Мы ей благодарны, мы с ней работаем”. А наши делают всё, чтобы нашей диаспоре не помогать.

Западная цивилизация агрессивна по природе своей. Она всё захватывает, выдавливает нас из пространства СНГ. Мы разработали программу по экспорту русского образования, просили у правительства всего 300 миллионов рублей. И полтора года правительство эту программу не финансировало.

Нужны установки для дистанционного обучения в школах. Спрашиваю: сколько всего школ? 5600. Сколько школ обеспечиваете установками в год? 100 школ всего... – Это что, государственная политика у нас такая? Или взять обучение молодёжи из нашей диаспоры в российских вузах. Запад вовсю работает с диаспорами. Америка взяла из русских школ Латвии на бесплатное обучение 200 человек, а Россия – 15... Вы представляете? Ну, как будут относиться наши люди к России? Или вот – я недавно послал депутатский запрос. Для неграждан Эстонии и Латвии (есть такая категория русских людей в этих республиках) открыли безвизовый въезд в страны Евросоюза. А в Россию они не могут въехать. А они-то не получали местное гражданство, хранили верность нашей стране!

С приходом “Единой России” в Думе был ликвидирован Совет соотечественников, нет теперь такого. Он работал три созыва. И Совет переселенческих объединений тоже ликвидирован. Я выступил на пленарном заседании и сказал Грызлову: “Вы узкопартийные интересы ставите выше государственных. Фактически вы принизили статус представительства наших соотечественников – был государственный, стал узкопартийный”.

15 марта прошлого года я по поручению фракции КПРФ выступал на правительственном часе, который мы же инициировали, с докладом: “Об основных приоритетах миграционной политики и мерах, принимаемых правительством по совершенствованию законодательства в этой сфере”. И прямо сказал, что президент не выполняет свою конституционную обязанность. Он до сих пор не выпустил официального документа, в котором бы изложил принципы своей политики. И вот в июле 2006 года появился первый указ президента о государственной поддержке добровольных переселенцев. В РФ определено 12 регионов, куда приглашают наших соотечественников. На помощь им выделяется максимально 60 тысяч рублей в качестве единовременного пособия и 40 тысяч на каждого члена семьи. На эти деньги обустроиться в России, как вы понимаете, невозможно. Это не решение проблемы, а видимость решения. Чем, в принципе, и занимаются наш президент и правительство.

А в результате к нам едут и едут из горных кишлаков и аулов Таджикистана, Киргизии, Азербайджана. Вот результат кремлёвской политики. Я много раз выступал и предупреждал: вы добьётесь социального взрыва, потому что целенаправленно усложняете этническую структуру славянских регионов. У нас в СНГ ведь какая миграционная политика: национальные республики становятся моноэтническими, русские вытесняются. А в русские регионы направляются вьетнамцы, корейцы, китайцы, армяне, азербайджанцы. Им создаются условия по созданию общин. Они сплочённые. На границе с Казахстаном они уже вытесняют русских. То же в приграничных районах с Чечнёй. Да и в глубинных районах России этот нарыв растёт, и в Кондопоге вот прорвалось.

Я был в Кондопоге с депутатской группой после известных событий. Видел растерянность президента Карелии Катанандова, всех этих ФСБ, МВД, прокуратуры. Город – то благополучный по всем меркам. Считалось, что там не должно произойти ничего подобного. Комбинат целлюлозно-бумажный работает, не развалены соцкультбыт, коммунальная сфера, зарплату людям платят. Но это у половины жителей. А другая половина резко обделена в социальном плане. И

вот люди взорвались. Удалось добиться встречи с жителями Кондопоги. И первый же человек, молодой парень, карел, ответил на главный вопрос: “Вы не даёте нам быть хозяевами на своей земле. Ваша власть не защищает нас, местных жителей. Вы якшаетесь с пришельцами, а они наших законов не уважают, а нас называют свиньями. И мы будем бороться за свои права”.

Вот суть конфликта. Почему это в Кондопоге произошло? Потому что там остались люди, у которых не исчезло чувство собственного достоинства. И они начали выступать. Сначала молодые, потом родители молодых, и Катанандов сам говорил: “Они меня по полной программе за всё: за приватизацию, что отобрали собственность у народа, что рабочих мест нет”. И силовики растерялись, ведь были использованы самые современные методы сбора людей – Интернет, мобильная связь. И за полтора дня довели до восстания! Люди, которые организовывали, – действовали очень грамотно, листовки написали по всем правилам. Каждое слово было выверено, оно поднимало человека на протест. Власти очень испугались.

“Миграция, если она будет продолжаться в таком же русле, приведёт к появлению кондопог и в других регионах”. Я добился, чтобы прямо так в справке и было записано.

Что же делать? Мы считаем, что надо менять концепцию, создавать Русский мир. Если мы из этого будем исходить, то понятно, как мы здесь должны принимать своих, и как мы должны поддерживать нашу диаспору за рубежом. Надо поставить во главе угла объединение семей. Семья – ячейка общества. Надо использовать опыт, имеющийся у нас. Есть такой хороший опыт, и мы показывали его.

Как пример возьмите Белгородскую область. Её много лет возглавляет губернатор Савченко. Хоть мы с ним и в разных партиях, но должен сказать, он всё очень мудро сделал. Евгений Степанович ввёл у себя в области общинное расселение и комплексное обустройство наших людей. Причём строятся они на века. Савченко создал фонд поддержки индивидуального строительства. Приедут люди, а он им даёт кредит. Не деньгами, а стройматериалами. Этим он загружает свою стройиндустрию, даёт ей спецзаказ. Он говорит переселенцам: вы должны строить хорошие дома, чтобы потомки ваши здесь жили. Возвращайте кредит, – говорит Савченко, – сельхозпродукцией. Для этого создана продовольственная корпорация, которая всё это закупает, чтобы люди не бегали на рынки.

Вот уникальный пример, для нас очень редкий. Переселился род Ярославцевых. Среди русских редко встречаются роды численностью по 50 человек. И Савченко дал им колхоз. Возвели большой дом. На стене все родственники до седьмого колена. Всё решают сами: “Машу мы отправим в ветеринарный институт, Васю – на строителя, ещё кого-то юристом”. Мы этот опыт обобщили, передали правительству: вот как можно сделать, чтобы люди жили на родной земле, обустривали её и ею гордились. Я на комитете министру Яковлеву об этом сказал: опыт есть, нужна политическая воля.

Мы должны нашу верховную власть заставить определиться и доказать, что мы самобытная русская цивилизация. Нисколько мы не глупей тех, кто сегодня нас свысока поучает. И, более того, если бы мы вместо западной демократии взяли в качестве примера русское народовластие (а у нас традиции безграничные), если бы мы поняли, что наша страна может выжить только при существовании единого народно-хозяйственного комплекса, мы бы с вами могли поднять Россию очень быстро. Ведь всё у нас есть, у нас нет только власти, которая исповедовала бы единое с народом миропонимание.

Ксения Мяло, кандидат исторических наук, публицист. Я с большим интересом выслушала рассказ депутата Никитина о его поездке в Кондопогу. У нас ведь и политики, и СМИ, да и большинство политологов не слишком утруждают себя выездами на места событий подобного рода, число которых растёт, как ширится и их география. Не выказывают желания поговорить с людьми, выслушать их, причём обе стороны, а не только представителей национальных диаспор, которым у нас обычно предоставляют первое – нередко оно же и единственное – слово. И уже до окончания расследования, а иной раз и до начала его, выносят вердикт: “шовинизм”, “ксенофобия”, “возбуждение межнациональной розни”. Что, разумеется, сразу указывает на “главного виновника” – русских, ведь только они могут быть, по определе-

нию, “шовинистами” и “ксенофобами”. Как видно, только они же и склонны к возбуждению межнациональной розни, если судить по этнической принадлежности тех, кто уже получил срок по соответствующей статье.

Удобная формула, что и говорить! Своего рода: “Сезам, откройся!”. Но не все двери открываются этим ключиком, и аналитическая мысль позорно пасует перед лицом междиаспорных, происходящих без участия русских, конфликтов. А ведь число таких конфликтов тоже растёт. Даже в Москве. Скупое, но хроника сообщала об очень жёстких массовых столкновениях между казахами и чеченцами, между армянами и азербайджанцами, киргизами и турками. Много ли мы услышали комментариев к этому? Между тем налицо тревожный синдром, говорящий о процессе, гораздо более сложном и многофакторном, нежели рисует словно бы и не подлежащая обсуждению формула “шовинизма и ксенофобии”. И, конечно, конфликты с участием русских следует тоже рассматривать в контексте этой общей сложности, а не с позиций, восходящих к печальной памяти постулату о “тюрьме народов” и некоем народе-“держиморде”, в сущности – с позиции **презумпции виновности русских**.

Вот и упомянутый Вами, господин Никитин, молодой человек (карел по национальности, как Вы сказали) на встрече с депутатами в Кондопоге прямо заявил: “Вы не даёте нам быть хозяевами на своей земле, но мы будем бороться за свои права”.

Стало быть, происходит нечто, заставляющее коренное население российских земель так резко ставить вопрос. И сколько бы наши власти ни грозили ему “жёсткими, чтобы не сказать больше” (Ю. М. Лужков) карами, они способны лишь загонять проблему внутрь, но не решить её, если не выйдут за пределы поверхностных и конъюнктурных, собственно, даже и не оценок, а приговоров.

Александр Орлов, эксперт Госдумы. Начиная с известных событий, произошедших 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, в миграционной политике наиболее значимых государств мира проявились новые тренды в области демографической и миграционной политики, тесно увязанные не только с экономикой, но и с доктринами безопасности данных государств. При этом не важно, был ли взрыв небоскребов результатом заговора республиканцев или делом рук настоящих исламистов – важно, что глобальный ресурсно-демографический кризис, о котором говорили Макнамара и Киссинджер на рубеже 70-х и “Римский клуб” в 80-х, перешел из латентной формы в область реальной проблематики.

И если усиление мировых миграционных потоков, прямо и косвенно связанное с уничтожением СССР и его европейских союзников, долгое время оставалось “незамеченным”, то в начале нового века процесс “нового переселения народов” перешел предел нечувствительности и оказался в самом центре внутренней политики всех европейских стран. За кратчайший срок произошел радикальный пересмотр миграционно-демографических доктрин западных стран в сторону резкого ужесточения иммиграционной политики и визового режима.

Под давлением реальных фактов и пугающих демографических экстраполяций еще вчера обязательные теории “мультикультурности” и глобализации миграционных потоков катастрофически теряют влияние. На смену им пришли доктрина “секьюритизации” и апологетика “нового национального государства” со стороны такой знаковой фигуры, как Френсис Фукуяма.

На фоне этого поворота особенно странной выглядит ультралиберальная миграционно-демографическая политика РФ, открыто декларирующая замещение вымирающего коренного населения иммигрантами. Однако вместо критики действующей миграционной доктрины попробуем дать ей позитивную научную альтернативу. Научную, то есть основанную на системном осмыслении фактов, включая опыт других государств.

Важнейший вопрос научного определения национальной демографической стратегии – субъект интересов, определяющий её содержание. В настоящий момент субъектом является исполнительная власть, чья ситуативная, краткосрочная политика формируется под давлением этнических диаспор и стоящих за ними государств, а также НКО и международными организациями, лоббирующими либерализацию миграции. Это прекрасно видно и на федеральном, и на региональном уровне (например, Дальний Восток, Краснодарский край).

Между тем в социальном государстве, в качестве которого заявлена РФ в конституции, субъектом национальных интересов является население, большинство которого представлено коренными народами России, вне пределов РФ национальных государств не имеющих.

Серьезным признаком острого антагонизма между интересами исполнительной власти и населения стала кампания “борьбы с ксенофобией”, “русским экстремизмом” и даже с неким “русским фашизмом”. Налицо очевидная установка на политическое и психологическое подавление большинства населения РФ, страдающего от массовой интервенции на и без того ограниченный развалом обрабатывающих отраслей рынок труда.

Между тем во время “Великой депрессии” в США Рузвельт пошёл прямо противоположным путем – закрыл внутренний рынок труда и принял меры по увеличению платежеспособного спроса.

В чем же состоят национальные интересы населения РФ в области миграции?

Во-первых: в сохранении долгосрочной устойчивости государствообразующего этнокультурного ядра “многонационального народа РФ”, включая сохранение исторически сложившихся пропорций. Очевидно, что точкой отсчета должен стать 1991 год, когда произошло разделение СССР на отдельные государства.

Во-вторых: в интеграции национальных меньшинств, сводящей к минимуму обособление и двойную лояльность.

В сохранении независимости исполнительной власти от давления этнических лобби и стоящих за ними государств.

В отсутствии объективных причин для нарастания межэтнической напряженности и этнических конфликтов.

В сохранении территориальной целостности РФ (с учетом, в частности, косовского прецедента).

В обеспечении прочих национальных интересов, прежде всего экономических и социальных, в части, связанной с миграционно-демографическими аспектами.

Итак, первый вопрос миграционной политики – нужна ли иммиграция как таковая. Позиция сторонников иммиграции сформирована на основе идеи “трудовой иммиграции”, иначе говоря, “импорта рабочей силы”, лежавшей в основе иммиграционной политики США в период индустриального бума конца XIX-го начала XX века, вплоть до “Великой депрессии”. Теория “рабочих рук” была верна в специфических условиях США того периода: неограниченных ископаемых и земельных ресурсов, лавинообразной индустриализации, почти неограниченных рынков сбыта и установки Теодора Рузвельта на перехват глобального экономического господства.

Концом иммиграционного бума из континентальной Европы стал, как известно, “Великий кризис”. Характерно, что одной из основных и наиболее успешных мер “Нового курса” стало жесткое ограничение импорта пресловутых “рабочих рук”. Обратим внимание: годы жесткого ограничения миграции стали Золотым веком Америки и, подчеркнем, послевоенного бэби-бума, как демографической реакции на социальную стабильность и защищенность, как следствие превышения спроса на труд над его предложением. Благотворность миграционных ограничений для американского общества не отрицают даже очевидные сторонники “мультикультурности”.

Что же касается современной России, то в условиях массовой безработицы, сжатия внутреннего рынка, роста внутренних цен на сырьевые и энергетические ресурсы плюсы от массовой инокультурной иммиграции недоказуемы, в то время как угрозы более чем осязаемы.

Довод “мигрантофилов” прост, как во времена работоторговли: нехватка “дешевых рабочих рук” на местном рынке труда. Но что несет жителям России создание рабочих мест с оплатой, не достигающей прожиточного минимума? Снижение среднего заработка и повышение риска увольнения. Плюс – рост прямых и косвенных бюджетных расходов.

Следующая мнимая причина “желательности” иммиграции – попытка исполнительной власти выдать действительное за желаемое, то есть задним числом легализовать массовую иммиграцию и тем самым превратить профессиональные просчеты в достижения. И эта тенденция весьма сильна.

Еще одна причина – привычка исполнительной власти мыслить абсолют-

ными показателями: абсолютным объемом ВВП, объемом бюджета. С точки зрения валовых показателей механическое наращивание населения за счет массовой иммиграции создает тенденции к номинальному экономическому росту. Но реальный уровень и качество жизни (а это – устойчивость власти и, не забудем, один из важнейших национальных интересов) определяются не абсолютными, а подушевыми показателями, так что массовый завоз рабочей силы, да еще при ограниченном спросе на нее, расширяет социальное дно и снижает жизненный уровень и, подчеркнем особо, ресурсную обеспеченность граждан.

В современных условиях нарастания глобального ресурсно-демографического кризиса, когда национальный доход ограничивается не наличием рабочей силы, а наличием природных ресурсов – как ископаемых, так и водных и земельных, идеальным решением миграционной проблемы следует признать политику нулевой иммиграции.

В условиях XXI века, когда 200 компаний с численностью работников не более 20 млн человек производят половину мировой товарной продукции, разговоры о “нехватке рабочих рук” должны рассматриваться либо как подлог, либо как очевидный признак профессиональной несостоятельности правительства.

Примером долгосрочной и успешной во всех отношениях политики “нулевой миграции” является Япония, которая и в настоящее время имеет не только самое жесткое в мире иммиграционное законодательство, но и законодательный запрет на владение иностранцами недвижимостью на территории страны. Обратим особое внимание на то, что столь жесткие ограничения иммиграции несколько не мешают ни экономическому развитию, ни свободе передвижения самих японцев, ни успешной интеграции Японии в глобальное экономическое и политическое пространство. “Нулевая иммиграция” не снизила международного престижа Японии и до сих пор не повлекла никаких санкций со стороны иностранных государств и международных организаций. Таким образом, на примере Японии можно убедиться, что основные доводы сторонников иммиграции не имеют под собой оснований.

Одним из общепринятых в мировой практике инструментов оптимизации миграции является введение критериев желательности, учитываемых при выдаче виз, разрешений на работу и гражданство. Принципом выбора критериев желательности должна быть реальная практика развития межнациональных отношений в различных государствах, в особенности – практика этнических и социальных конфликтов с участием мигрантов.

Само собой разумеется, что критерием желательности не может быть этническая, расовая или конфессиональная принадлежность человека как таковая. Однако следует видеть за деревьями лес и признать, что у каждой этнической общины можно выделить обобщенные социально-демографические характеристики, влияющие на краткосрочные и долговременные результаты миграционных процессов. Что касается приема иммигрантов, то не будет большой натяжкой предположить, что комплексным критерием безопасности миграционной политики будет отсутствие тенденции к образованию этнически обособленных общин и анклавов, особенно склонных к росту и усилению культурного, а потом и политического обособления от социума принимающей страны.

Идеальным с точки зрения этнокультурной совместимости результатом иммиграции является ассимиляция (интеграция) в социум страны пребывания в течение 1–2 поколений и приобретение общей идентичности. Максимально нежелательным – образование обособленных общин, не склонных к интеграции, враждебных (или потенциально враждебных) коренному населению.

Этнокультурная совместимость иммигрантской общины с принимающим социумом может быть оценена эмпирически – например, по относительному проценту межэтнических браков или отсутствию этнически обособленных мест проживания в данной стране или достаточно близких к ней странах. Возможен и другой подход – оценка частных показателей совместимости, таких как конфессиональная близость, сходство языка и культуры (цивилизационная принадлежность), отсутствие (или наличие) в прошлом и настоящем этнических конфликтов, что в принципе дает аналогичный результат.

Важнейший критерий – характерная для данного этноса рождаемость, определяющая тенденции потенциального роста общины иммигрантов (этнической колонии), то есть склонность к демографической экспансии.

Следующий критерий – потенциальная мощность миграционного потока (миграционной экспансии), определяемая численностью населения и рождаемостью страны-эмитента (то есть абсолютным приростом населения).

Следует отметить, что факторы нежелательности взаимно усиливают друг друга. Данная система критериев (ужесточение режима, максимальная совместимость и умеренная рождаемость) фактически положена в основу новой миграционно-демографической доктрины Евросоюза, США и Канады и в таком качестве может рассматриваться в качестве образца для РФ.

В качестве вывода можно сказать, что в настоящее время в РФ отсутствует адекватная демографическая стратегия в области миграции, отвечающая национальной безопасности.

Фактически действующая миграционная политика носит ситуативный характер, в значительной мере определяется давлением заинтересованных этнических лобби и иностранных государств, не отражает интересов большинства населения и в результате создает систему угроз и конфликтов, имеющих тенденцию к росту и обострению.

Сергей Строев, кандидат биологических наук, активист “Антиглобалистского сопротивления”. Приток иноэтнических мигрантов в Европу (и в Россию) определяется совпадением двух факторов, каждый из которых является необходимым, а их сочетание достаточным. Эти два фактора – наличие спроса и наличие предложения.

Спрос на мигрантов определяется заинтересованностью работодателей (т. е. буржуазии) в дешёвой рабочей силе. Не вызывает сомнений, что мигранты готовы работать за гораздо меньшую плату, в гораздо худших условиях и с гораздо меньшими правовыми гарантиями, чем наёмные работники из числа коренного европейского населения. Поэтому железная логика экономической конкуренции диктует предпринимателю императив: сокращать себестоимость продукции путём привлечения мигрантов вместо рабочих-соотечественников. И дело здесь не в жадности, корыстолюбии или исторической безответственности буржуазии, а в логике функционирования капиталистической системы производства.

Таким образом, наличие предложения на рынке дешёвых мигрантских рабочих рук определяется глобальным экономическим неравновесием между “богатым Севером” и “бедным Югом”, между “золотым миллиардом” и “мировой периферией”. “Бедный Юг” продолжает впадать в нищету и децивилизоваться, неизбежно усиливая демографическое давление на страны “золотого миллиарда”.

Россия в данном случае находится в лучшем положении, чем Европа. У нас иная политическая культура, и если в Европе самая мысль об общей платформе коммунистов, национал-патриотов и христиан может пока быть воспринята лишь узким слоем интеллектуалов, то в России такая платформа уже оформляется. И здесь заслуга лидера КПРФ Г. А. Зюганова несомненна. К тому же у нас есть ещё и бесценный опыт общего боевого фронта в 1993 году.

В России, в отличие от Европы, ислам является второй традиционной религией, и за прошедшие века в рамках одного государства Православная Христианская Церковь и Мусульманская Умма научились не только мирно сосуществовать, но и конструктивно решать общие вопросы. В России вопрос об “исламистском” экстремизме как угрозе самому исламу уже фактически решён.

Остаётся только приложить все силы к тому, чтобы эти преимущества реализовались, а не стали упущенным шансом. Это путь, на котором мы имеем шанс спасти от разрушения собственную цивилизацию, а заодно и цивилизацию Европы.

Ксения Мяло. Александр Орлов затронул самый, быть может, болевой нерв проблемы, вынесенной в название нашего “круглого стола”, и потому, вероятно, нам следует более чётко определиться с терминами. И задуматься – не имеем ли мы дело с мимикрией, со словом, прикрывающим истинную суть того процесса, который разворачивается ныне на территории Российской Федерации. В самом деле, у нас в стране пока ещё говорят о миграции так, что создаётся впечатление и ложное представление, которое настойчиво внушается обществу, о полной тождественности того, что делается у нас в стране, с тем, что происходит в большинстве развитых стран мира.

Однако сходство это ограниченное или, скорее, поверхностное. И как только мы выходим за пределы чисто внешнего сходства (и там и здесь миллионы людей, ищущих себе место под солнцем), в глаза бросаются резкие, я бы сказала, даже принципиальные различия. А потому меня, мягко говоря, удивила точка зрения Строева, предложившего рассматривать проблему иммиграции в Россию по европейской кальке. То есть по известной схеме противостояния “бедного Юга” и “богатого Севера”, области обитания “золотого миллиарда”. Мне, право, трудно представить, что общего можно найти между русской глубинкой и пресловутым “золотым миллиардом”; ведь к нему нельзя причислить даже Москву с её 50-кратным разрывом в уровне жизни самых верхних и самых нижних слоёв населения. При этом нижняя группа состоит не из одних лишь иммигрантов. Как и в благоденствующем верхнем слое, найдётся не один представитель диаспор, чья собственная социальная структура много сложнее, нежели рисуют её отзывающиеся дурным вкусом журналистские подражания Диккенсу и Гюго. Так что в схему западных антиглобалистов наша ситуация не вписывается. Россия не страна “золотого миллиарда”. А бывшие республики СССР – не страны Чёрной Африки и даже не страны Магриба. Все они имели во времена СССР достаточно, а иные – и очень хорошо развитую экономику. Все они пользовались равным объёмом весьма широких социальных прав. Уровень жизни в Армении, Грузии, Молдавии, Азербайджане и т. д. был не ниже, если не выше, чем во Владимирской или Псковской областях. Упадок наступил после развала СССР, а также резкой смены общественного уклада на всём постсоветском пространстве. Последнее гораздо меньше затронуло Белоруссию, ну так все и могут видеть результат. Но ведь не Россия предписала бывшим советским республикам такие перемены, от которых достаточно страдает и сама. И, по меньшей мере, не одна она несёт ответственность за распад Союза, хотя сегодня и предпринимаются активные попытки возложить всю вину за это (и за это тоже!) на неё, а если точнее, именно на русскую Россию, будто бы жаждавшую избавиться от “инородцев”. Конечно, такие настроения были, но они отнюдь не доминировали.

Зато мы ещё помним хронику неукротимого стремления к независимости многих союзных республик. И хотела бы напомнить, что Армения, а также Грузия (за исключением Абхазии и Южной Осетии), Молдавия (за исключением Приднестровья), не говоря уже о бывших республиках Прибалтики, даже не участвовали в мартовском референдуме 1991 года о судьбе СССР, на котором большинство граждан России проголосовало как раз за сохранение Союза. А вот “нет” сказала Москва, ныне задыхающаяся от притока мигрантов. Так что москвичам тоже есть смысл задуматься о связи причин и следствий.

Но и новым “суверенам” давно пора бы понять, что строить собственные государства – труд нелёгкий, и что основную тяжесть этого труда должны нести они сами, раз таков был их выбор.

А если уж говорить о “вине” России, то виновата она, в первую очередь, не перед грузинами или армянами, а перед потоком русских беженцев, хлынувшим в 90-е годы из Таджикистана (где русское население сократилось в 10 раз), из Казахстана, Киргизии. Люди эти полагали, что возвращаются к себе на Родину, однако столкнулись с полным равнодушием не только властей (исключением были руководители отдельных регионов, как, например, Орловской или уже упомянутой Белгородской областей), но и населения (за исключением опять-таки отдельных пришедших на помощь людей). И вот это равнодушие – действительно грех, ибо то был настоящий катастрофический исход, нередко под грубым террористическим давлением. Как из Таджикистана или из Чечни, которую ещё до осени 1994 года, то есть до начала военных действий (по признанию самого Дудаева) покинуло около 200 тысяч русских и русскоязычных граждан. Затем число их резко возросло, так что Чечню сегодня можно смело называть моноэтнической республикой.

Но кто интересовался русскими беженцами? Уж, конечно, не записные “правозащитники”. Я, например, не помню никого, повторяю, никого, кто бы, бурно протестуя против недавней высылки грузинских мигрантов из России, хоть в малой степени взволновался по поводу исхода русских из постсоветских государств, а также из республик Северного Кавказа. А между тем русские ушли и из самой Грузии, но этого как-то никто не заметил.

Подобное равнодушие к собственному народу – предмет не только эмоций, это специфическая особенность российской миграционной политики,

сознательно выбранная позиция властей, не имеющая аналогов ни в одной из стран Европы. Как не имеют аналогов и жёсткое давление, оказываемое властями и подконтрольными им СМИ на коренное русское население, и текущий в России миграционный поток.

Когда я попыталась уточнить цифры, меня поразила разницей в них. Разница в оценках численности мигрантов, даваемых даже официальными инстанциями, может достигать нескольких миллионов! Как, замечу, и при оценке количества безпризорников в России. Ведётся ли властями хоть приблизительный подсчёт прибывающих в Россию людей? Либо всё происходит стихийно, как в эпоху Великого переселения народов? Но это была отнюдь не самая мирная эпоха в истории человечества.

В начале текущего года Таджикистан официально запросил у России увеличения квоты для своих трудовых мигрантов – до 800 тысяч в год (“Независимая газета” от 24.01.07). А по свидетельству вице-спикера парламента Киргизии Исабекова, на заработках в России находится уже около 70% населения южных регионов этой страны (там же). Это те регионы, откуда стартовала “цветная революция”, издержки которой теперь, как видим, тоже сбрасываются на коренные народы России. Так что здесь речь идёт не просто о трудовой миграции обездоленных, но о бурной демографической экспансии, сознательно поощряемой российской властью.

Елена Громова, член совета московского отделения организации “Антиглобалистское сопротивление”. Уважаемые друзья, моя реплика, конечно, прозвучит некоторым диссонансом здесь, но я всё-таки хотела бы выступить в защиту мигрантов, посмотреть на проблему с другой стороны. Ведь эти парни из Киргизии или Таджикистана едут в Россию для того, чтобы выжить. Ведь даже в относительно благополучной Украине средняя зарплата сейчас – 500 гривен (это 100 долларов), при том, что цены сопоставимы с нашими. А что говорить о Таджикистане и Киргизии? Так что не угнетателями являются эти несчастные таджики, и даже китайцы. Угнетателями являются те, кто никогда не поедет в Москву добывать себе средства к существованию. Они и на местах хорошо устроились. А вот всех ненужных им – выпихивают в Россию. При советской власти национальный вопрос не стоял так остро на бытовом уровне, и, может быть, проблема не в миграции, а в колоссальном социальном неравенстве. На национальном уровне – это проблема существования “олигархов”, фактически ограбивших свои нации, присвоивших себе природные богатства стран. На международном уровне – это проблема “золотого миллиарда”, захватившего себе львиную долю мировых ресурсов.

Проблема не в миграции, не в национальностях, а в вопиющем неравенстве между богатыми и бедными.

Ксения Мяло. Вот видите, здесь никто и не говорил о “национальностях”, а уже сразу делается переброс в привычную схему. Мне казалось, что уже достаточно, в частности – в выступлении А. Орлова, освещён вопрос о занятости мигрантов. Добавлю только, что, согласно социологическим опросам, лишь от 30 до 50% мест, занятых мигрантами, были неконкурентными. А остальные 50–70% мест могли бы занять граждане России. Но почему-то этого не произошло. Можно, конечно, закрывать глаза на эту сторону вопроса, но ни ясности, ни спокойствия от того не прибавится. А что до сострадания к униженным и оскорблённым, приехавшим из дальних мест, – мы этому чувству не чужды. Вот только удивляет, когда такое сострадание не распространяется, например, на жителей того же Подмосковья, где уровень безработицы очень высок, зато уровень газификации, к примеру, ниже, чем в Молдове.

Сострадание не распространяется и на русских беженцев, которые тоже хватаются за любую работу. А почему нет столь же бурной реакции на закрытие в последнее время 6 тысяч (!) сельских школ, где ведь тоже работали люди, – и куда им теперь деваться? И, наконец, – здесь уже нужно подвести итоги – почему нет желания увидеть самое главное: население России, где смертность и в 2006 году в 1,6 раза превысила рождаемость (а вымирают, в основном, русские), реагирует именно на экспансию, а не на “национальности”. Даже в новой концепции демографической политики в России, которая должна быть принята к осени 2007 года и рассчитана на перспективу до 2025 года, прямо говорится о необходимости “регулирования миграцион-

ных потоков в целях создания действенных механизмов замещения естественной убыли населения” (“Независимая газета”, 01.06.07). “Естественной” — это хорошо сказано и в комментариях не нуждается. Но мы видим, что ничего не делается, чтобы остановить этот **противоестественный** мор. И никаких концепций сохранения русского ядра не разрабатывается.

А коли это так, коли сказано — **ЗАМЕЩЕНИЕ!** — тогда, конечно, само понятие “трудовой миграции” вряд ли точно описывает процесс. Смягчающий термин “компенсирующая миграция”, предложенный директором Института демографии Анатолием Вишневским, ничуть не меняет сути. В употребление уже вошло и понятие “демографические доноры”, словно речь идёт о животноводческой ферме. Это и для мигрантов оскорбительно, для их человеческого достоинства. И никто не находит нужным спросить “замещаемый” народ — согласен ли он с подобной перспективой? Ну а на какие формы протеста имеет **законное** право народ, которому предлагают спокойно удалиться не только из истории, но и вообще из жизни, — это и есть главный на сегодняшний день вопрос. Ибо если программа ЗАМЕЩЕНИЯ осуществится в полной мере и в задуманном масштабе, то Россия вообще прекратит своё существование как таковая и станет уже совсем другой страной — если только не превратится в поле соперничества “замещающих” этносов. На возможность чего уже сегодня указывают междиаспорные конфликты.

Александр Казинцев. Похоже, речь, действительно, следует вести не о стихийном процессе миграции, а об организованном замещении русского населения гастарбайтерами. В таком случае мы являемся свидетелями — и жертвами! — чудовищного эксперимента: смены (хотя бы и частичной) населения страны. Помните, так называемые демократы шли во власть, обличая “тысячелетнюю парадигму российской несвободы” и сам русский народ — якобы склонный к безделью, пьянству, а заодно и к тоталитаризму. Патриоты по этому поводу иронизировали: ну, так найдите другой народ. Как выяснилось, иронизировали зря! Пойдите на рынки, на стройки, а с другой стороны — в банки, на телевидение — и вы увидите другой народ, другие народы, перемещённые в Россию на смену русским.

Конечно, либеральные говоруны создали только благоприятную атмосферу, остальное обстряпали предприниматели. Ещё лет десять назад я разговаривал с ныне покойным Александром Паникиным, текстильным фабрикантом. Он считался патриотом, привечал Кожина и меня, но и с отставленным Горбачёвым поддерживал дружеские связи. Я говорил ему о демографическом кризисе, о спаивании народа. Фабрикант слушал равнодушно. Тогда я стал апеллировать к его коммерческим интересам: если русские сопьются и вымрут, кто будет работать на ваших предприятиях? “Завезу китайцев или вьетнамцев”, — равнодушно ответил предприниматель-патриот. Я прекратил с ним общение, а вскоре Александр Степанович умер. Но идея: китайцы (или любые другие мигранты) вместо русских, как видим, оказалась востребованной.

Владимир Семенко, публицист. В настоящее время в общественное сознание уже начинает постепенно проникать мысль о том, что оценка происшествий, подобных конфликту в Кондопоге, не может осуществляться лишь на уровне какого-то чисто ситуационного реагирования. Необходимость более углубленного, аналитического рассмотрения такого рода событий осознается все большим числом людей, в том числе и не принадлежащих к числу так называемых “экспертов”. Однако далеко не все пока еще, к сожалению, понимают, что действительно системный анализ в качестве своего главного и, так сказать, универсального постулата имеет утверждение, что такие события всегда являются многоуровневыми, включают целый ряд планов.

Однако рассмотрение следует начать все же с чисто событийного плана.

Прежде всего отмечу: инцидент в Кондопоге — отнюдь не первое событие “в этом роде”. Лишь за последнее время на территории РФ имел место целый ряд точно таких же конфликтов между коренным населением и мигрантами, развивавшихся по стандартной схеме, в частности, эпизоды в Сальске и Харагуне. Начались же подобного рода “происшествия” приблизительно с 2002 года.

В качестве примера рассмотрим конфликт в городе Харагун (Читинская область), практически проигнорированный либеральными СМИ. Представи-

тели кавказских народов проживали в городке и раньше, спокойно и тихо интегрируясь в местное общество. Однако приблизительно с 2004 года началось буквально массовое их нашествие, причем эти новые мигранты с самого начала стали вести себя буквально вызывающе, всячески унижая местное население. Для Харагуна, в отличие от сравнительно благополучной Кондопоги, где продолжает работать целый ряд вполне рентабельных промышленных предприятий (в частности, ЦБК), характерна крайне неблагоприятная социальная ситуация: предприятия закрыты, в городе массовая безработица, социальные учреждения в основном также не работают и т. д. Словом, данный регион относится к числу социально депрессивных. Единственный реальный источник возможного дохода – браконьерские вырубki леса, на который есть хороший спрос в соседнем Китае. Именно этот сектор весьма агрессивно оккупировали примерно пятьдесят азербайджанских семей, в одночасье появившиеся в городе. Причем, в отличие от местных, имевших хотя бы какие-то документы на деланки, азербайджанцы вообще не заботились о законности своего бизнеса, предпочитая “договариваться” со слугами закона и с местными властями. Одновременно с появлением “новых” мигрантов в Харагуне начали широко распространяться наркотики и развернулась массовая торговля спиртом. Попытки местных решить проблему законными средствами (предпринятые приблизительно за девять месяцев до погромов), обращения в органы власти – результата не дали: вопрос был “замылен” в обычном бюрократическом стиле.

15 мая 2006 года произошёл конфликт, приведший к погромам, однако, в отличие от Кондопоги, здесь поначалу не было убийств.

Подобных примеров, практически “не востребованных” прессой, можно привести теперь уже десятки. Все они имеют ряд повторяющихся, типических черт: регион в основном мононациональный (насколько это вообще возможно для России) с небольшими вкраплениями, так сказать, “давних”, традиционных мигрантов, интегрированных в местное общество и не вступающих в конфликт с коренным населением; внезапно появляются несколько десятков многочисленных кавказских семей (как правило, азербайджанских или чеченских), которые пытаются захватить ключевые секторы местной экономики, подкупить местных начальников, начинают вести себя крайне агрессивно, вызывающе по отношению к местным, что рано или поздно провоцирует конфликт. Часто поводом является драка с применением холодного оружия и ранение либо убийство одного-двух человек. После этого вступают в действие стихийные формы самоорганизации коренного населения, начинаются погромы. Как правило, “старые”, “традиционные” мигранты в них не затрагиваются. После этого в регион обычно вводятся внутренние войска. Власти обозначают свое присутствие и “контроль над ситуацией”; начинается следствие. Эта похожесть конфликтных эпизодов, имеющих место в разных регионах страны, явное наличие **одной стандартной схемы**, по которой развиваются события, заставляет сделать вполне очевидный, напрашивающийся вывод: **события в Кондопоге – не случайный и не частный эпизод, а один из этапов в развитии некоего глобального и управляемого процесса.**

В настоящее время общим, мы бы сказали, избитым местом стали рассуждения о “кризисе” России и русского народа. Вошли в своеобразную моду различные политехнологические проекты ее “спасения”. Вопрос стоит о **самых принципах государственного строительства** и национальной (в том числе миграционной) политики.

Если говорить о проекте “национального государства” для России, то он запоздал, по меньшей мере, лет на двести.

Несмотря на бодрый вид и оптимистичные заявления, провал модернизации и связанной с ней попытки сформировать в России светскую нацию по европейскому образцу вполне очевиден.

Возвращение к традиционному для России имперскому вектору развития невозможно для “элиты”, поскольку это означает конфронтацию с Западом и отказ от главного “элитного” проекта современной России, то есть от встраивания в “цивилизованный мир” за счет сдачи страны (“за счет всего”). И хотя в самое последнее время устами подконтрольных СМИ транслируются “патриотические”, “государственнические” высказывания о “великой русской истории” и даже что-то о Российской империи, никакого реального возвращения к имперской модели не наблюдается. Как раз напротив: виртуальный

патриотизм власти, относящийся к сфере “пиара”, не имеет ничего общего с теми **реальными технологиями**, при помощи которых она пытается продолжать то, что считает управлением страной.

На мой взгляд, беспристрастное рассмотрение последних событий, связанных с межэтническими конфликтами, а также анализ некоторых публикаций в тех печатных и электронных СМИ, которые известны своей “экспертно-аналитической” ангажированностью, вполне ясно свидетельствуют: перед лицом очевидной неудачи проекта “светская нация и национальная модернизация” в России начинается новая революция: болезненная ломка народа по этническому швам, и революция эта управляется сверху!

Данные намерения определенных элитных кланов вступают в явное противоречие с по-прежнему официально декларируемой приверженностью “элит” европейским идеалам светскости и национальной модернизации, усиливая путаницу и эклектику в “проектных” усилиях власти. Ясно, что обострение межэтнических конфликтов, всегда основанных на усилении самоидентификации людей по признаку этноса, а не светской нации, ставит крест на модернизации и является прямой дорогой в обратном направлении – в сторону архаики и раздробления некогда единой имперской нации России на архаизированные этнические анклавы. Очевидно также, что болезненный процесс дробления народа по этническому признаку, мыслимый некоторыми в терминах теории “управляемого конфликта”, рано или поздно приведет “всего лишь” к многократному (и неуправляемому!) усилению конфликтности в обществе и является **прямой дорогой к гражданской войне**.

Какие же признаки указывают на правильность представленного выше “диагноза”? Во-первых, существует ряд загадочных черт в поведении “новых” мигрантов, поведении, которое, собственно, и провоцирует усиление конфликтности на качественно новом уровне. Что такое типичный мигрант? *Это человек, заинтересованный в чем угодно, но только не в прямом столкновении с коренным населением*. Его цель (если он не сезонный рабочий, который вообще-то также в конфликте не заинтересован) внедриться, интегрироваться в местное общество, как можно скорее стать “своим”, желательно как можно более полезным его членом, простроить связи с местными, добиться того, чтобы его невозможно было впоследствии отделить от местного общества, “выковырять” из социума того региона, где он решил обосноваться, руководствуясь, как правило, экономическими мотивами. Нормальный, традиционный мигрант стремится пустить вокруг себя как можно меньше “дыма”, не любит “светиться”, привлекать к себе внимание. Самоидентификация по признаку этноса, национальной культуры и религии, если она не затрагивает интересов местных и страны в целом, является его личным делом и вообще никакой проблемы представлять не должна. Однако новые мигранты ведут себя (кстати говоря, как правило, в мононациональных регионах, населенных преимущественно русскими) как настоящие завоеватели, постоянно задирают и унижают местное население. У наблюдателей создается стойкое впечатление, что они намеренно провоцируют конфликт.

Спрашивается, какова цель? Ведь вполне понятно, что какая бы социальная депрессия и апатия ни распространялась в русском народе, местные, доведенные до определенного градуса “кипения”, рано или поздно просто задавят этих новых мигрантов своей массой, и как бы ни были подкуплены правоохранительные органы, никакой ОМОН не сможет выдвинуть из региона коренное население. Если исключить версию об управлении процессом с качественно более высокого социального уровня, каков же практический смысл и, главное, какова же причина такого поведения “новых” мигрантов?

Далее, возникает масса недоумений в связи с нашумевшим заявлением Рамзана Кадырова по поводу событий в Кондопоге. Кадыров, ни много ни мало, вознамерился явиться в Карелию (с батальонами или без – это, видимо, судя “по обстоятельствам”) и навести там порядок, защитить чеченцев, несправедливо обижаемых нехорошими русскими (хотя в действительности, и это сквозь зубы признают даже либеральные СМИ, дело обстоит ровно наоборот).

Чечня – испытательный полигон для национальной политики новой российской власти ельцинского призыва. В итоге многочисленных экспериментов, связанных с огромными жертвами и массовым сгоном с обжитых земель нескольких сот тысяч русских жителей республики, здесь был создан практически **однородный в этническом плане регион**. По ходу дела проис-

ходило немало конфликтов между чеченскими “элитами” и московско-российскими. Жертвами этих конфликтов стали всем хорошо известные мигранты, в частности, бывший советский генерал и бывший советский же полковник, а также ряд других. В итоге на “княжение” и “кормление” (в исконо-древнем феодальном смысле) в Чечню был посажен Рамзан Кадыров.

И каков же результат? Есть два возможных варианта: заявление Кадырова – импровизация, оно было спонтанным и ни с кем в Федеральном центре не согласованным, и другое – это заявление было согласовано с кураторами Лубянки и Старой площади. **В первом случае** возникает вполне резонный и естественный вопрос к тем, кто все эти годы вел упорные разговоры о “восстановлении конституционного порядка в Чечне”: **где искомый порядок?** Или порядком считается ситуация, когда ставленник Кремля Кадыров делает все, что хочет, вопреки мнению центра? **Во втором случае** возникает не менее резонный вопрос: зачем вы тогда, господа, дали такую отмашку? Вам что, крови мало?

Явным признаком того, что проект “русская республика” продолжает реализовываться “технологами”, только уже не в национально-модернизационном, а в этнически-архаическом варианте, являются многочисленные публикации в знаковых СМИ, непосредственно руководимых “технологами”. В качестве показательного примера приведу несколько публикаций. Две из них прошли на сайте, который, как хорошо известно, является ресурсом С. Белковского. Это статья М. Пожарского с провокационным названием “Отделяйтесь!” (11.09.2006) и созвучная с ней статья известного политехнолога В. Штепы “Определяйтесь!” (15.09.2006). Основные положения работы М. Пожарского заключаются в следующем: историческая Россия – потомок Орды (привет от А. Янова! – **В. С.**), чуждое для русских государство; Москва – главный враг русских; Россия – главный враг Руси. Основное зло для русского народа – монархическая логика, империя – главный враг этого народа. **Альтернатива имперству, – говорит автор, – нация, национализм, самоопределение снизу.** “Все имперские разглагольствования, все рассказы про православную империю – сейчас это первейший и самый действенный способ национального самоубийства. Следует, наконец, понять, что **те проблемы, которые мы нынче имеем, с мигрантами и антинародной властью – они именно оттого, что русские до сих пор имперцы, подданные мертвой империи**”.

Вторит этим идеям и П. Святенков в статье “Империя и её имперцы” (сайт www.apn.ru, 19.09.2006). Имперцы считают русский народ скотом, утверждает автор, бездушным материалом для своего государственного строительства. Империя – идеология полукровок (!). “Православность становится маркером, позволяющим уклониться от русскости”, и т. д.

Так грубо, цинично и холодно-расчетливо ломается историческая русская идентичность, позволившая нашему народу создать величайшую державу мира с ее высокой духовностью, тончайшей культурой, развитым хозяйством, всю эту уникальную цивилизацию, которую ныне “технологи”, выполняющие политзаказ, стремятся загнать в архаическое, **националистически-языческое гетто**, выбросить на свалку истории.

Александр Казинцев. У Владимира Павловича замечательная фактура, но сомнительная концепция. Хотя она сейчас популярна у московской интеллигенции. По сути, власть обвиняют в провоцировании нестабильности на почве межнациональных конфликтов. Но зачем ей это? Если бы положение правящих “элит” было непрочным, такую тактику можно было бы понять. Но каков сейчас рейтинг? 70 процентов... Мы знаем, как делают подобные рейтинги – и всё же: народ не бунтует. Как раз такие конфликты, как в Кондопоге, Сальске, Харагуне, а теперь и в Москве, и в Ставрополе, пугают Кремль призраками бунта или, во всяком случае, неповиновения. Поэтому “наверху” реагируют на них столь судорожно.

Владимир Павлович отказывает властям в созидательном, социально-креативном начале: заявили модель национального государства, а реализовать не смогли. Не уверен, что Ельцин, а тем более Бурбулис или Шахрай (помните реплику депутата Горячевой по адресу последнего: “Какого вы роду-племени?”) думали о национальном государстве. Но то, что в этом плане у них ничего не получилось, согласен.

Однако Семенко (повторю, его точка зрения характерна для московской

интеллигентской фронды) полагает, что тактически властители нынешней РФ изобретательны и всесильны. И для того чтобы укрепиться ещё больше, они сознательно сбрасывают страну в архаику, разделяют и властвуют, натравливают одни группы населения на другие. Но тогда они должны всё-таки больше опираться на местных. “Попустили” нашествие “дванадцати языков”, вызвали выброс народного недовольства и тут же пришли на помощь коренному населению: держитесь за нас, за нами вы как за каменной стеной...

Но мы видим другое: вызванный по тревоге ОМОН разгоняет “русских погромщиков” и хватает местных обывателей, возмущённых произволом чужаков. Разве такие действия вселяют веру в “родную власть”, стимулируют любовь к ней, укрепляют её? Скорее наоборот.

А это значит, что реакция властей – спонтанная, вынужденная. Ни о каком хитроумном плане, а соответственно, об избытке тактического мастерства (или коварства – называйте, как хотите) речь не идёт. Скорее говорить приходится об удручающем бессилии.

И Кадырова обуздать не могут: сколько к нему контролёров из центра подсаживали – ни один не удержался. Кого-то убили, как Байсарова, старшего офицера ФСБ, между прочим; кто-то убежал – как Абрамов, назначенный было премьером Чечни. И диаспоры в самой России контролировать уже не получается.

То, что “новые мигранты” отличаются от “старых”, это естественно. “Старые” ехали в Россию по одному, их распределяло государство. Они получали образование и включались в структуру местного общества, как правило, не конфликтуя с ним. Другое дело – нынешние “мобильные группы”. Они едут скопом, не связанные ни с государством, ни с местным обществом. Едут “хапнуть денег”. Поэтому вновь прибывших отличает агрессивный настрой. А власти не могут их урезонить. Да и не хотят, ибо “новые завоеватели” нередко делятся с ними частью прибыли. Так что в данном случае перед нами не коварный замысел, а свидетельство бессилия власти. Или точнее – корысти и бессилия.

Что же касается спора: что строить в России – империю или национальное государство, то при всей его важности в перспективе на сегодняшний день он представляется мне преждевременным. Сейчас всё зависит от состояния русского народа. Сумеет ли он возродиться, окрепнуть? Если нет, то у нас не будет ни империи, ни национального государства. А если возрождение состоится, то русский народ сам будет решать, какую державу строить.

Ксения Мяло. Хотела бы добавить несколько слов к сказанному А. Казинцевым. Действительно, мне непонятно, зачем “под занавес” вытаскивать вопрос о формате государственного строительства, об империи и т.д. Вопрос, требующий отдельного и весьма тщательного рассмотрения. Но поскольку он оказался “вытащен”, то кое-что из сказанного В. Семенко не может остаться без ответа. Таков, например, тезис о некоем проекте “русской республики” как будто бы главном моторе всех государстворазрушительных процессов, начиная с распада СССР. Между тем эту “главность” никто не доказал достаточно убедительно, зато все мы помним, под знаком какой ожесточённой русофобии стартовала “перестройка”, видим, что русофобия эта не снята с повестки дня, в том числе и на самых высоких властных уровнях. Выше я уже сказала о презумпции виновности русских, едва ли не каждое движение которых находится в зоне пристального и весьма недоброжелательного внимания. И если для господина Семенко доказательством управляемости конфликтного процесса является, как он считает, нетипичное поведение новых мигрантов, то в свой черёд скажу: ни один политик, и впрямь преследующий цель создания русского национального государства, не станет реализовывать её на путях постоянного унижения, да и, скажем прямо, дискриминации русских. Ведь таким образом разрушается самый субъект пресловутой русской республики, миф о которой, по моему глубокому убеждению, предназначен служить совершенно другой цели.

Во-вторых: да, русские действительно создали одну из величайших империй в мировой истории, но, не умаляя вклада и заслуг других, разделявших труд по её построению народов державы, нельзя не признать, что основную его тяжесть несли на себе именно они. Что и приводило не раз к драматическим коллизиям их столкновений с собственным же государством. Приводило

именно тогда, когда оказывались пренебрегаемы, во имя не совсем внятных, а порою и вовсе чуждых русскому народу общеимперских целей, его собственные национальные интересы.

Так, может быть, учитывая горькие уроки прошлого и нынешнее, по многим параметрам беспрецедентное, ослабление русского народа, раньше чем сочинять проекты новых империй, следует всё же выслушать того, на кого, в любом случае, ляжет бремя нового строительства?

К слову сказать, я читала упомянутый Вами, господин Семенко, материал П. Святенкова и считаю, что Вы чрезмерно упростили, чтобы не сказать – исказили его. На мой взгляд, главное там – это прямо поставленный вопрос о том, почему у многих “имперцев” и впрямь сама мысль о национальном самоопределении русских вызывает иррациональную ярость. Так что они заведомо отказывают народу в праве самому решать свою судьбу.

А потому мне, когда я слушаю иных из них, приходит на ум страшный сон Родиона Раскольникова. Помните? Охмелевший хозяин и без того уже замученной лошадейки, куражась, донельзя набивает телегу такими же безжалостными, как и он сам, гостями. А когда лошадь, не в силах сдвинуть груз, в отчаянии начинает брыкаться, в дело идёт кнут, ну а затем – топор. В нашем случае – концепция замещения. Так что давайте не будем подменять темы, если, конечно, не считать саму тему нынешнего положения русских в государстве Российском вообще не заслуживающей внимания.

Юрий Годин, доктор экономических наук, член-корреспондент РАЕН. Настала пора проанализировать серьезные негативные экономические и социальные последствия постсоветской интеграции в нынешнем виде. Россия уже сегодня пожинает некоторые ее “плоды”, в том числе вследствие неурегулированного до сих пор в законодательном порядке процесса так называемого свободного перемещения рабочей силы в пределах Содружества. Используя отсутствие соответствующей нормативной и правовой базы в РФ, новые страны стали рассматривать Россию как “отдушину” для решения самых жгучих проблем своего выживания.

С начала 1990-х годов – главным образом из-за внутренней неразберихи в российских “верхах” – Российская Федерация стала вынужденным прибежищем для многотысячных представителей оппозиционных сил, потерпевших поражение в кровавых схватках с ныне утвердившимися правящими режимами, например, в странах Центральноазиатского региона. Как известно, бывшие боевики, скрываясь в России, существенно усугубили здесь криминогенную обстановку.

По оценкам Министерства внутренних дел Российской Федерации, сегодня без необходимых документов в России обретается более 5 млн иностранцев. Нелегальные мигранты совершают на территории нашей страны около 50 тыс. преступлений в год. Около 60% случаев краж из коттеджей и дач производится нелегальными рабочими, привлекаемыми для строительства из стран СНГ (“Время новостей”, 16.01.2004 г.).

Нам, рядовым российским гражданам, непонятна бездейственно-выжидательная позиция федеральных властей в отношении массовой нелегальной миграции, хлынувшей густым потоком из стран СНГ начиная с середины 1990-х годов.

Ксения Мяло справедливо отметила, что в новых государствах стимулирование этого процесса стало важным, а порой ключевым элементом проведения государственной внешней политики. Оказавшись неспособными проводить рыночную трансформацию своих национальных экономик и просто прокормить избыточное население своих стран, они таким специфическим способом решают за счет России: во-первых, проблему занятости населения, чтобы не допустить социального взрыва в своих государствах; и, во-вторых, формируют фонд накопления и потребления внутри своих стран, необходимый для их выживания путем стимулирования значительных денежных поступлений из России (в 2005 г. – 16 млрд долл.).

Красноречивый пример так называемого “перелива” рабочей силы из стран СНГ в Россию можно наблюдать в Москве. Уже сегодня наша столица перенаселена выходцами из ближнего зарубежья и скоро превратится в подобие Старого Дели в Индии, где на каждый квадратный метр уличной площади приходится не менее двух человек. В столичном метро, рассчитанном на мак-

симальную перевозку до 7 млн человек в день, ежедневный пассажиропоток превышает 9 млн человек. За годы реформ Москва превратилась в мегаполис, в котором москвичи не живут, а выживают.

Как известно, в советский период в Москве проживали национальные диаспоры из соседних республик, насчитывавшие, как правило, от 50 до 150–200 тысяч человек. В то время представители этих диаспор не обособлялись и стремились ассимилироваться с коренным населением столицы, тем самым сглаживая неизбежные межнациональные разногласия и межэтнические отличия.

Сегодня в нашей столице и в Подмоскovie уже насчитываются миллионы выходцев из стран СНГ. Только граждане Азербайджана составляют в московском регионе диаспору с числом более 1 млн 200 тыс. человек, по другим оценкам – до 1,5 млн человек. Район “Отрадное” уже по праву считается филиалом Закавказья. После развала СССР национальные диаспоры в Москве, Подмоскovie, а теперь уже по всей России формируются, как правило, по клановому и строго этническому признаку, ведут исключительно замкнутый образ жизни.

Многие из приезжих реализуют себя в России в нелегальном бизнесе. По данным Министерства внутренних дел РФ, сегодня каждый из 174 столичных рынков контролируется представителями этнических организованных преступных группировок (ОПГ). Например, на Черёмушкинском рынке хозяйничают представители дагестанской группировки и ленкоранская ОПГ, на Рижском и Басманном – машагинская и бакинская ОПГ. При этом в теневом движении капиталов главенствующую роль на продовольственных рынках Москвы занимает ОПГ, состоящая из граждан Азербайджана (“Финансовый контроль”, Счётная палата РФ, 2003, №10).

На столичные рынки приходится более 30% розничного товарооборота. По подсчетам аналитиков МВД РФ, только 1/4 часть доходов от налогообложения попадает в городскую казну. Остальное “проходит” мимо московского бюджета.

Даже по самым скромным оценкам, граждане Азербайджана ежегодно отправляют на родину более 2 млрд долларов.

По данным из достоверного источника московского правительства, выходцы из трех закавказских республик ежегодно вывозят из московского региона на свою родину до 7 млрд долларов. Только единицы из них, по утверждению того же источника, легально платят налоги в российскую казну, но при этом нелегалы являются кормильцами 2–3-х семей своих родственников у себя на родине.

Неудивительно, что Москва – самый дорогой для жизни город мира. Ведь система оптовой и розничной торговли давно не контролируется местными властями, а “схвачена” намертво приезжими. Они, фактически вполне легально изымают в виде искусственных многократных посреднических надбавок к цене товара весомую часть необходимого продукта, как это обозначал автор “Капитала”, из наших семейных бюджетов. К примеру, килограмм тамбовской картошки поставщики продают перед въездом в Москву – у Московской кольцевой дороги – по 2 рубля. А сколько стоит он в Москве? – Тридцать. Вот так из рублей русских бедняков складываются те миллиарды, которые вывозятся за пределы России.

Давление мигрантов даёт о себе знать и в других сферах. Они выдвигают требования о создании азербайджанских, армянских, грузинских и других этнических классов в школах Москвы и городов Подмоскovie. Приезжие занимают рабочие места в наиболее привлекательных сферах российской экономики.

Сегодняшняя сверхлиберальная миграционная политика властей ведёт к этносоциальному расслоению. В рамках подобной экономической модели оказывается, что государствообразующему этносу не остаётся места ни в оптовой и розничной торговле, ни в сфере финансово-банковских услуг, ни в гостиничном комплексе, ни в других прибыльных секторах экономики. На долю русских остаётся низкооплачиваемая и трудоёмкая работа на транспорте, на заводах, в системе бесплатного образования и страхового здравоохранения, в армии и в правоохранительных органах на неприбыльных должностях. Подобное разделение труда лишает русских прав хозяев страны, подрывает систему национальной безопасности государства и, прежде всего, её ключевые составляющие элементы – экономическую и социальную безопасность России.

Как представляется, подобная политика и дальнейшее усугубление связанных с ней указанных тенденций могут привести в ближайшем будущем к

обострению этносоциальных проблем и, в конечном итоге, к внутренней социально-экономической дестабилизации России. Такой жесткий прогноз основывается на изучении практического опыта США и стран Европы, где уже десятки лет иммиграцию называют “главным бичом нашего времени” и даже “предвосхищением катастрофы”. Многие труды современных западных специалистов, прежде всего Ф. Фукуямы, С. Хантингтона, П. Бьюкенена, посвящены изучению феномена иммиграции и вызывают самый большой резонанс в западном обществе за всю вторую половину XX века.

Самюэль Хантингтон считает иммиграцию прямой угрозой идентичности, культурной целостности и национальной безопасности Соединенных Штатов.

Другой известный американский политический деятель, автор нашумевшей книги “Смерть Запада”, Патрик Бьюкенен раскрывает глубинные черты и угрозы массовой иммиграции западным странам. Учитывая уроки распада Югославии, как многонационального государства, на этнической почве, он обозначает вызревание такого процесса в ходе наплыва иммигрантов как предпосылку к возникновению “новой балканизации”.

Вот и по заключению Хантингтона, если в стране не происходит ассимиляция иммигрантов, то такая страна потенциально готова к гражданской войне. Косовские события как продолжение югославской драмы, к великому сожалению, подтверждают выводы американского специалиста. А недавние волнения во Франции, которые были организованы иммигрантами второго и третьего поколений из стран “третьего мира” (большой частью арабских), заставили вздрогнуть и задуматься о последствиях иммиграции всю объединённую Европу.

Россия только еще начала испытывать воздействие иммиграции, но уже ощутила многие ее “прелести” в полной мере. В этой связи российским властям следовало бы прислушаться к авторитетным мнениям зарубежных исследователей, отнестись со всей серьезностью к этой проблеме, принять во внимание предостерегающие прогнозы российских экспертов и, пока не поздно, приступить к выработке и реализации соответствующей миграционной и иммиграционной политики, в том числе как составной части программы интеграционного взаимодействия со странами СНГ.

Елена Борисова, доктор филологических наук, профессор, координатор московского совета организации “Антиглобалистское сопротивление”. Мы смогли услышать далеко не все соображения, которые возникают у наших товарищей в связи со столь противоречивой и, как мы могли сегодня убедиться, глубокой проблемой, как миграция – приезд в Россию наших соотечественников-русских, приезд граждан других национальностей – жителей бывшего Союза, перемещения рабочей силы. Несмотря на какие-то противоречия, вспыхивавшие споры, мне кажется, проглядывает и нечто общее, к чему можно свести прозвучавшие здесь мнения.

Миграция, которую мы сейчас наблюдаем в России, прежде всего в мегаполисах, это ненормальное явление, вызванное громадным неравенством в уровнях благосостояния разных регионов. Она тяжка для гастарбайтеров, приезжающих от безысходности и работающих здесь “на птичьих правах”. В то же время она вовсе не решает проблемы с “нехваткой рабочей силы”, поскольку чаще всего сбивает цену на рабочие руки. А поскольку с нею в страну втягивается – и во многих местах уже просто пышно расцвела – этническая преступность, миграция как она есть вызывает раздражение и возмущение коренных жителей нашей страны, которые перестают чувствовать себя хозяевами на своей земле.

Тут было показано, что глобализация, связанные с ней экономические отношения – свободный рынок рабочей силы, рост неравенства между Севером и Югом – с неизбежностью ведут к миграции трудовых масс, причем в самой уродливой форме. А в случае с Россией явственно проглядывает и чье-то закулисное подталкивание этих процессов – как удар по нашей “мешающей прогрессу” стране.

Ну, значит, тогда надо принять меры против развития такого варианта глобализации, неприемлемого для нас. Как замечательно сказал В.С. Никитин, необходимо понимание места русского народа – и политическая воля для того, чтобы предотвратить развертывающуюся катастрофу, в которой миграция – одна из её составных частей.